

Марина
СЕРОВА

Клуб
обреченных

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Последнее желание
приговоренной
Серия «Секретный агент Багира»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166833

Клуб обреченных. Последнее желание приговоренной: Эксмо-Пресс; М.;

ISBN 5-04-008259-2

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марина Серова

Последнее желание приговоренной

Глава 1

СОБАЧЬИ СТРАСТИ

С тех пор как чудовищный соседский полукрокодил-полубегемот, только по вопиющему недоразумению именуемый собакой породы ротвейлер, растерзал мою сумочку своими жуткими зубищами, а потом издох в конвульсиях, благо раскусил баллончик с мощнейшим нервно-паралитическим снадобьем, я окончательно возненавидела собак.

Оно, конечно: собака – друг человека, но, как известно, друг познается в беде. А мне все эти беды и приносили представители собачьего рода. Так что я не причисляла собак к своим друзьям, а замечательное дог-шоу «Я и моя собака», демонстрируемое на канале НТВ, могла смотреть не более одной секунды – до первого лая и первого появления волосатой клыкастой морды на экране.

Впрочем, судя по последним событиям, собаки приносили беспокойство не только тем, кто явно их недолюбливал.

Мой сосед (не тот, который держал полукрокодила-полубегемота, а другой, живший в коттедже справа от моего) едва не угодил в психушку из-за своей собаки.

И это несмотря на то, что обладал железобетонной нервной системой, и всякому, кто взглянул бы на его квадратную физиономию с широкими скулами и массивными надбровными дугами, которым позавидовал бы любой неандерталец, показалось бы странным, что этого человека вообще что-то может волновать.

А тут...

Возле коттеджа этого замечательного новорусского индивидуума стоял дом, где жила довольно приличная и отнюдь не бандитская семья Кульковых. Муж Дима и жена Юля, моя тетка. Их жилище еще не успели снести, чтобы поставить на освободившемся земельном участке очередную роскошную виллу.

Эти люди жили весьма скромно и тихо, но тем не менее их доходов вполне хватало на то, чтобы содержать огромного лохматого пса с на редкость миролюбивым нравом и со столь же редким и откровенно идиотским сионистским прозвищем Либерзон.

Пес по кличке Либерзон в самом деле мухи не обидел бы – в отличие от псов упомянутого выше соседа с квадратным лицом. У последнего проживали две собаки, и если громадный лабрадор мог свободно расхаживать по всему дому, то второй, щенок добермана, обладал таким свирепым нравом,

что его держали в клетке, прутья которой он постоянно грыз.

Кульковы все время слышали вой и рев этого представителя подрастающего собачьего племени.

Нет надобности говорить, что хозяин этого исчадия ада был безмерно горд злобностью своего пса.

И вот – в один отнюдь не прекрасный вечер! – вернувшаяся с прогулки собака Кульковых принесла в зубах грязный, перепачканный в земле ком, в котором был с ужасом опознан щенок добермана соседа-бандита. Разумеется, двух мнений быть не могло: добродушный пес Кульковых просто-напросто задушил злобного малявку, выйдя из себя один-единственный раз за всю свою тихую и мирную жизнь.

Один-единственный. Но кому от этого легче? Если сосед узнает о безвременной кончине своего свирепого любимца, то он пристрелит пса Либерзона немедленно, а если что, то под горячую руку могут попасть и сами хозяева.

Пристрелит, закопает где-нибудь в овраге – и поминай как звали.

Кульковы развили бурную деятельность. Грязный трупик добермана-недоросля был извлечен из пасти лохматой громадины Либерзона, отмыт от грязи и заботливо высушен феном. Ему придали максимально жизнеспособный облик, и ночью глава семейства Кульковых перелез через соседский забор, прокрался к клетке, в которой содержался доберман, и положил туда чистенького, тихонького и спокойненького песика.

И закрыл дверцу.

...Наутро ко мне пришел сосед – хозяин добермана. Он был явно ошеломлен, на квадратной физиономии застыло смешанное с досадой недоумение.

В руке он держал бутылку виски, что для него было неслыханным отступлением от собственных норм жизни.

– Вот что, Юлька... это... Сергевна, – запинаясь, выговорил он. – Ты это... давай со мной выпьем. Что-то... не того.

– С утра, Борисыч? – недоуменно спросила я. – Что случилось-то? Налоговая наехала, и не можешь спокойно спать, а?

– Да не, – махнул рукой он. – Какое там... Тут, понимаешь, еще похлеще будет. Ты моего Лорда помнишь?

– Это который?

– Который типа в клетке жил. Ну, он еще напал на ручного крокодила Вована из восемнадцатого коттеджа и откусил тому хвост.

– Кому – Вовану? – тупо спросила я.

– Да не... у Вована нет хвоста. Крокодилу. Так вот, – сосед поставил бутылку виски на пол, оглянулся по сторонам, а потом приблизил ко мне свое широченное лицо и продолжил: – Вчера Лорд сдох.

– Да ну? – равнодушно спросила я. – Подрался, что ли? Или крокодил вендетту организовал?

Насчет «вендетты» сосед пропустил мимо ушей. Он поднял к потолку короткий толстый палец и произнес:

– Да не... ободрался чего-то. И лапты склеил. Жалко, конечно. Я хотел ему памятник поставить... типа из гранита. Ну, как вот Толян Рыжий... который из султановских бойцов. У него макака сдохла, так он в трауре ходил неделю. А потом памятник поставил. Скульптуру этой макаки типа. И главное – так эта макака скульптурная на Толяна походит, ё-моё! Как одна мама рожала.

По всей видимости, сосед Борисыч уже изрядно принял на грудь, поскольку в нормальном состоянии с трудом выдавливал из себя больше двух или трех слов в минуту.

– А при чем тут Лорд? – спросила я.

– А я же сказал: сдох он вчера. Я его закопал у забора, место пометил, чтобы потом, значит, туда памятник всунуть. А сегодня утром... – Сосед понизил голос и, взяв с пола виски, отхлебнул здоровенный глоток, – а сегодня утром прохожу мимо клетки, где Лорд жил... а он там!

– Живой?

– Мертвый! В том-то вся и фишка, что полный мертвяк! И главное, чистенький весь, как будто и в земле не лежал! Ведь... ведь никто и не знал, куда я его закопал. Значит... значит, он сам. Вот скажи, Юлька... ты типа грамотная, у губернатора этим... юрисконсультом работаешь... скажи, может такое быть?

– Чтобы мертвый пес выкопался, вычистился и лег в клетку как ни в чем не бывало?

– Ну да!

– Конечно, не может, – ответила я, едва удерживаясь от смеха при виде взбаламученной «непонятками» широкоформатной рожи соседа. – Тоже мне... пес-зомби. Призрак... собаки Баскервилей.

– Чья-чья?

– Это книга такая есть, – уже с досадой проговорила я. – Конан Дойл написал. Про такую милую собаку, которая своих м-м-м... владельцев вот так же, как Лорд тебя, в непонятки кидала.

– Какой такой Конан Дойл? – продолжал выпрашивать Борисыч.

– Писатель, – ответила я.

* * *

Глупейшая ситуация с воскресшей собакой объяснилась в тот же день: я просто-напросто пришла взглянуть на разрытую могилу Лорда и по следам определила, что усопший доберман никак не причастен к своему «восстанию из мертвых»: был еще один пес, который зачем-то раскопал могильный холмик и выволок из земли своего помершего собрата.

Еще через полчаса я хохотала во дворе Кульковых, которые как на духу выложили мне всю эту анекдотическую историю, не забыв, впрочем, предупредить меня:

– Вы не говорите соседу. А то он нас самих закопает в эту яму. Только разве что памятник ставить не будет.

– Это понятно, – сказала я, отсмеявшись. – Борисыч у нас человек спонтанный.

После чего я направилась домой, где меня поджидало послание по электронной почте. Оно содержало следующее: «Вице-губернатор...ской области Клейменов В.С. 25 декабря, 19.00. Избирательная кампания».

Вне всякого сомнения, послание было из Центра. От Грома. Даже сервер проверять не стоило.

Я тяжело вздохнула: по всей видимости, и в этот год Рождество справить не удастся. Опять выезд в эту самую губернию, где завершается предвыборная кампания, и там – наверняка! – какие-то несанкционированные завихрения с Клейменовым. Иначе бы меня не вызвали.

Я протянула руку к телефону, намереваясь позвонить в Москву своему непосредственному начальству, но потом отдернула ее, как будто обожглась.

Начальник спецотдела, к которому была приписана я, Андрей Леонидович Суков, он же Гром, не любил, когда его беспокоили по пустякам.

Осталось только предупредить канцелярию губернатора, что числящаяся в штате Максимова Юлия Сергеевна, юрист-консульт губернатора, уезжает в деловую поездку в соседнюю губернию.

Я сняла трубку...

На самом деле мои функции юрисконсульта были чистой фикцией.

Юрисконсульт Максимов – в определенных кругах известная как секретный агент Багира. Чем больше проходило времени, тем меньше я отличала две мои ипостаси – человеческую, так сказать, паспортно-визовую, в которой я значилась как Юлия Сергеевна Максимова, деловая женщина, состоящая в должности юрисконсульта губернатора Тарасовской области. И вторую, функциональную, – спецагент, работающий на засекреченный отдел, созданный в недрах Федеральной службы безопасности.

Мой старый товарищ и шеф Андрей Леонидович Суров возглавил этот отдел при ФСБ, призванный бороться с оргпреступностью и терроризмом.

Я безболезненно и органично влилась в сеть агентов отдела и тут же получила на свою голову такой ворох проблем, что все мои предыдущие дела показались детскими задачками.

Уровень секретности был весьма высок.

Центром были созданы все условия для того, чтобы я успешно выполняла возложенные на меня поручения и даже порой координировала те или иные операции местного РУБОПа. Можно также отметить, что я была помещена в усло-

вия, максимально приближенные к тем, в которых жили мои потенциальные противники, то бишь криминальные структуры.

Чтобы почувствовать, так сказать, вкус их жизни и рамки их «понятий». Ну еще бы... пообщавшись с такими типами, как собаковод-владелец Борисыч, не попасть в тонус новорусской жизни невозможно.

... Кроме того, мне был дан фактически карт-бланш на выбор методов действия. Пусть даже из числа тех, что не предусмотрены законом.

Как сказал бы Андрей Леонидович Суров: с волками жить – по-волчьи выть.

Жила я, конечно, не с волками, но в жилище одного из таких волков.

По всей видимости, тот особняк, в который меня вселили по распоряжению губернатора, раньше и принадлежал какому-то «волку», безвременно почившему. Хозяина закопали, дом конфисковали – и Юлия Сергеевна Максимова получила в полное свое распоряжение замечательный особняк в удобном месте на выезде из города. Окруженный высоким забором, снабженный бассейном, джакузи, подземным гаражом и с прекрасным видом на Волгу.

А также по соседству с замечательными представителями криминального мира и их четвероногими любимцами.

Мои тарасовские «работодатели» (фиктивные) и московские руководители искренне – и совершенно справедливо,

на мой взгляд, – полагали, что достойно противостоять преступности может лишь человек с равными или почти равными финансовыми возможностями.

Их бы устами да мед пить, сказало бы немало моих знакомых из числа простых ментов, сидящих на скромном жалованье и не на кожаном сиденье в салоне «Ягуара», как я, а в раздолбанных служебных «Волгах» и «Жигулях», которые по уставу обязаны догнать и перегнать престижную иномарку.

И ведь догоняли.

У меня таких проблем не было, спасибо дорогим работодателям. В служебной «Волге» и премии в пятьсот рублей я не нуждалась, потому как в солидном тарасовском банке на мое имя был открыт счет, своевременно пополняющийся вне зависимости от того, на сколько он «похудел».

...Но я не уставала помнить одно: человек, наделенный большими полномочиями, получивший в свое распоряжение значительные финансовые и функциональные активы... такой человек несет высокую ответственность за каждое свое действие. И если тот же самый мент на раздолбанном «жигуленке» мог упустить бритоголового лихача на «мерине», а потом получить нагоняй от начальства да еще и лишиться годовой премии, то я не могла позволить себе даже незначительный прокол.

Хотя бы потому, что на мое место было много желающих: высокопрофессиональных, проверенных, знающих себе це-

ну и вполне сознающих опасность моего привилегированного положения.

Я – как сапер – могла ошибиться только один раз.

* * *

От Тарасова до центра...ской области было около пятисот километров. Так что я решила доехать туда на своем «Ягуаре». Благо проехать на нем полтысячи километров – это все равно что бросить голодному тигру килограммовый кусок говядины: и расстояние, и мясо пожирались с равным успехом и неотвратимостью.

По мере того как таяли километры, я размышляла о возможных причинах моего вызова в соседнюю область. В принципе особо гадать не приходилось: здесь назревал крупный предвыборный скандал. Нынешний губернатор, Владимир Александрович Сухоруков, идущий на второй срок, был отстранен от участия в выборной гонке по обвинению в злоупотреблении служебным положением.

Интрига осложнялась тем, что вице-губернатор области, Клейменов, вместо того чтобы продолжать свою политическую карьеру, фактически отошел от дел.

Хотя должен был исполнять функции вице-губернатора еще три недели.

И вот теперь меня направляли к Клейменову. Именно к Клейменову, а не к губернатору Сухорукову.

Глава 2

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР КЛЕЙМЕНОВ

Я остановила «Ягуар» у высокой ограды, увенчанной остриями в виде наконечников стрел, и, выйдя из машины, через узкую калитку (возле которой торчал верзила, пропустивший меня только после минутного созерцания моего удостоверения) направилась по просторному двору к зданию областной администрации.

Как я заметила, охрана здесь была еще более жесткой, чем в Тарасове, хотя у нашего губернатора был бзик по вопросу безопасности.

С собой я взяла только ноутбук и сотовый телефон – и тут же пожалела об этом, потому что на входе в здание (на фасаде которого метровыми золотыми буквами было написано: «Правительство...ской области») меня досматривали не хуже, чем на таможне на российско-украинской границе.

– Григорьев, проводи, – невозмутимо произнес один охранник другому – молчаливому детине с маленькими глазами и массивным подбородком.

Молчаливый охранник провел меня по пустым коридорам, залитым светом, несмотря на то что рабочий день уже закончился.

Вот гниды, лениво проскользнуло в голове... а на электроэнергию небось денег нет, как докладывают ежеквартально в соответствующих инстанциях и бедствующих коммунальных службах.

Охранник довел меня до большой металлической двери, оклеенной пленкой под дерево (на двери была черная табличка с красивой, золотом, надписью: «Первый вице-губернатор В.С. Клейменов»), и вежливо распахнул ее. За ней оказалась просторная приемная с дорожкой кожаной мебелью и огромным телевизором «Сони» в углу.

Здесь сидели два парня и хорошенькая секретарша, разговаривающая по телефону и при этом готовящая кофе.

Помимо своих основных функций она еще и успевала строить глазки парням (по всей видимости, сотрудникам службы безопасности Клейменова) и коситься в большое, от пола до потолка, зеркало: ну хороша!

При моем появлении бравые секьюрити не замедлили воззриться на меня.

– Добрый вечер, – произнесла я. – Мне нужен господин Клейменов.

– Всем нужен господин Клейменов, – сказал один из охранников, подмигивая своему напарнику. – А вы, собственно, по какому поводу?

– Я из ФСБ, – быстро ответила я. – У меня назначена встреча на девятнадцать ноль-ноль.

Лица парней вытянулись, по всей видимости, их босс ожи-

дал визита человека из спецслужб и предупредил свою охрану, но ребята не ожидали, что человеком из спецслужб окажется молодая дама в довольно короткой юбке, кокетливо накинутой на плечи норковой шубке и в изящных сапожках.

– Вы – из ФСБ?.. – наконец протянул один из охранников.

Я безмолвно развернула перед его носом свое удостоверение, и он, несколько раз кивнув, посторонился.

Секретарша немедленно закончила разговор по телефону и, связавшись с шефом по селекторной связи, произнесла, почему-то поправляя прическу:

– Виктор Сергеевич, к вам пришли. – Потом повернула ко мне голову и, взмахнув ресницами, проговорила: – Виктор Сергеевич ждет вас.

* * *

Вице-губернатор Виктор Сергеевич Клейменов оказался высоким мужчиной лет сорока пяти – пятидесяти, с породистым лицом и приветливо поблескивающими серыми глазами за стеклами очков в дорогой стильной оправе. Обращали на себя внимание его холеные, аккуратно подстриженные черные усы, делавшие его массивное лицо еще более основательным.

Надо сказать, я всегда ассоциировала нового для меня человека с каким-либо животным, которого он мне более всего напоминал, и уже многократно убеждалась, что такой метод

дает возможность лучше понять характер человека. А это при моей работе незаменимо.

Виктор Сергеевич Клейменов напомнил мне большого, усатого, вальяжного кота, снисходительно посматривающего большими и круглыми неподвижными глазами и изредка сыто мурлычащего что-то самодовольно: вот, мол, какой я красивый, толстый и важный.

На всем облике этого кота лежала печать благополучия и обеспеченности, упорно не оставляющая представителей наших властных структур даже в самые тяжелые, кризисные дни.

– Добрый вечер, Юлия Сергеевна, – приветствовал меня вице-губернатор, вежливо приподнимаясь навстречу и протягивая пухлую розовую ладонь с аккуратными ногтями. – Добрый вечер, Юлия Сергеевна, – повторил он, уже выходя из-за стола. – Присаживайтесь, прошу вас. Я только что говорил о вас с генералом Суровым, вашим непосредственным начальником.

– В самом деле?

– Да. Позвольте мне взглянуть на вас... – Он обошел меня сбоку, так что я была видна в профиль. – Ну что ж, – подвел итог своим наблюдениям господин Клейменов. – Рад с вами познакомиться. Очень хорошо. Юлия Сергеевна, я думаю, что рекомендации высокочтимого Андрея Леонидовича более чем достаточно для того, чтобы вы полностью оправдали мои надежды. Я слышал от него весьма лестные слова о вас

и вашем профессионализме. Впрочем, о чем я? Непрофессионала и не взяли бы в ваш отдел.

Много болтает, подумала я. Слишком много слов. Да и эти «лестные слова» о моем «профессионализме»... Лично мне не приходилось слышать от Грома похвалы, исполненной большего одобрения и экспрессии, нежели короткое:

– Хорошо. Все нормально. Ты свободна. Двое суток на отдых.

Тем временем Виктор Сергеевич энергично прошелся по комнате, а потом повернулся на каблуках и произнес:

– Я думаю, вам известно, Юлия Сергеевна, что губернатор нашей области Сухоруков Владимир Александрович, мой непосредственный начальник, снят с выборов областной избирательной комиссией на основе обвинения в злоупотреблении служебным положением?

– Да, конечно.

– Прекрасно. Так вот, вне всякого сомнения, это известно не только вам, но и всем людям в стране, которые хоть раз в день смотрят новости по телевизору. Но вы же понимаете, что в новости выносятся далеко не вся информация. Информация – это духовная пища эпохи, и если ею перекармливать, то можно отравиться. Не так ли?

– Совершенно верно, Виктор Сергеевич, – в тон ему ответила я. – Все это замечательно, Виктор Сергеевич, и вы, без сомнения, прекрасный ритор, но не могли бы вы конкретнее сказать, что именно не вошло в выпуски новостей?

Клейменов кивнул:

– Дело в том, что на избирательную комиссию было оказано существенное давление. Есть основания полагать, что это давление исходило от другого кандидата на пост губернатора – Зубарева.

– Зубарев – это, случайно, не глава местного управления ФСБ?

– Совершенно верно. Кроме того, он, по сути, кандидат от местного отделения КПРФ. Чекист и коммунист в одном флаконе – не правда ли, неожиданный коктейль? Нынешняя власть считает неблагоразумным афишировать свои отношения с коммунистами. Это еще ельцинская традиция.

– Ну, сейчас многое поменялось, – сказала я. – Можно работать в спецслужбах и тем не менее сохранять ортодоксальные коммунистические воззрения. Как вот ваш Зубарев.

– Наш? – На холемом лице Клейменова появилась ироничная улыбка. – Скорее уж ваш, Юлия Сергеевна. Ведь вы тоже из органов. Но не будем отвлекаться. Итак, на пост губернатора рассматривались три основных кандидата, – сказал Виктор Сергеевич. – Во-первых, нынешний губернатор – Сухоруков Владимир Саныч. Во-вторых, уже упомянутый мной генерал Зубарев, а в-третьих...

Он сделал паузу, к чему так тяготеют не в меру велеречивые ораторы, и я не удержалась от того, чтобы не заполнить ее:

– А в-третьих?

– ...местный олигарх Никита Бурмистров. Милейший человек. Некоторые уверяют, что он является вором в законе, но Зубарев наводил справки по своим каналам в преступном мире: ничего подобного. Просто выскочка. Нувориш с дурным вкусом и не в меру пухлым лопатником.

Я слышала о Бурмистрове много. Этот человек возглавлял структуру, которую он гордо именовал медиахолдингом.

По провинциальным меркам это была довольно крупная структура, включающая в себя охранное агентство, банк, разветвленную сеть дочерних фирм, магазинов и торговых баз. Никита Никитович Бурмистров имел активные контакты с тарасовскими предпринимателями, подвизавшимися на поприще металлургии. Он держал акции ряда довольно крупных предприятий и контрольный пакет знаменитого металлургического комбината, являвшегося крупнейшим в...ской области и третьим в России. Кроме того, Никита Никитович Бурмистров был депутатом областной Думы.

Одним словом, фигура значительная: бизнесмен, политик, меценат, акционер ряда компаний, фактический владелец громадного металлургического комбината.

– Да, мне знакома фамилия Бурмистров, – сказала я. – Только, откровенно говоря, я не знала, что он намерен баллотироваться в губернаторы.

– Так вот, – продолжал Клейменов, – Зубарев и Бурмистров после отстранения от выборов Владимира Александровича и разыграют между собой кресло губернатора. Другие

кандидаты слишком малозначимы, чтобы принимать их во внимание. А теперь, – он поднял палец, – теперь, Юлия Сергеевна, переходим к тому, ради чего, собственно, мы и встретились с вами в этом кабинете. Дело в том, что в последнюю неделю на меня было совершено два покушения. Первое произошло на следующий день после того, как Владимира Александровича сняли с выборов за якобы имеющие место злоупотребления служебным положением. Мы ехали на машине в сопровождении автомобиля охраны, и по нас был произведен выстрел из гранатомета. Рвануло точно между машинами, водителя второй госпитализировали, остальные отделались царапинами и испугом.

– Почему вы подумали, Виктор Сергеевич, что покушение было именно на вас? – быстро спросила я. – Ведь в машине вместе с вами был и Владимир Александрович, не так ли?

– Это верно, – отозвался Виктор Сергеевич, – но все дело в том, что еще было и второе покушение. Взорвали мой джип. Четыре дня назад. Я хотел сесть в него, но меня окликнул мой телохранитель сказать, что моя дочь отвезена в зимний пансионат в Сочи... я повернулся, и только это спасло мне жизнь. Да еще то, что я успел сгруппироваться и отпрыгнуть в сторону. В свое время я служил в десанте, – пояснил он.

– Значит, в тот момент, когда вы собрались сесть в ваш джип, машина взорвалась? – уточнила я.

– Совершенно верно. Судя по всему, заряд был довольно приличный. По крайней мере, от моего джипа остались рож-

ки да ножки.

– Когда, вы говорите, это было?

– Четыре дня назад.

– И сразу после этого вы решили прибегнуть к моим услугам... то есть к услугам специалиста из отдела генерала Сурова?

– Нет. Не после этого. Дело в том, что нам удалось вычислить, когда и где на меня будет предпринято третье покушение.

* * *

При этих словах вице-губернатора я невольно привстала – так торжественно он это произнес. Как будто говорил не о готовящемся на него покушении, а о прижизненной установке памятника славному деятелю российской политики, мыслителю и реформатору В.С. Клейменову.

– И когда же? – быстро спросила я.

– Послезавтра. В час дня.

– И где?

– Естественно, здесь, в городе. Возле офиса охранной фирмы «Центурион». Надо сказать, что место лучше этого подобрать сложно. Я думаю, вы согласитесь со мной, когда сами осмотрите тамошние окрестности.

– По каким каналам прошла такая информация, Виктор Сергеевич?

Он замялся. Посмотрел на меня с тяжелым сомнением, и я поспешила подхлестнуть его мудреной и не менее тяжело-весной, чем взгляд Клейменова, фразой:

– Я думаю, вы понимаете, что невозможно работать, не зная источника сведений, на основе которых придется выстраивать схему действий.

– Ну хорошо, – выдохнул он, – эта информация получена от некоего Шеремета. Директора небольшой компьютерной фирмы, занимающейся программным обеспечением. Он внедрил компьютерную систему внутреннего пользования в банк «Ахернар». По всей видимости, Шеремет преследовал не совсем чистые... э-э-э... цели, если при монтаже системы внедрил в нее файл «троян»...

– Простите?

– Это компьютерная программа-паразит. «Троян» – это от названия знаменитого троянского коня. Я думаю, вы сведущи в античной истории, Юлия Сергеевна?

– Немного. И, конечно, при внедрении этого паразита в систему результат столь же плачевен, как при внедрении троянского коня в стан защитников Илиона?

– Вот именно. Паразит дублирует все файлы, которыми оперирует внутренняя система банка. Равно как калькирует и электронные сообщения, и... в общем, вы понимаете?

– Да.

– Так вот, не далее как позавчера в компьютер Шеремета было переведено послание по электронной почте. В кото-

ром честь честью расписан заказ на мое физическое устранение. Заказ был отправлен с сервера банка и принят на одноразовый почтовый ящик в сети, который сразу же после принятия сообщения ликвидировался. Так любят поступать киллеры, использующие последние достижения прогресса – все эти Интернеты, «Емели» и так далее. – Клейменов озабоченно постучал полусогнутым пальцем по столу и добавил: – Шерemet тут же прибежал ко мне. Хоть хлопец и нечист на руку, в свое время я помог ему встать на ноги. Он показал мне это сообщение. Я распечатал его для вас. Вот, пожалуйста, взгляните.

И он протянул мне лист бумаги:

**МОМЕНТ ВЫДАВИТЬ СТРУЙКОЙ. ОФИС ФИРМЫ «ЦЕНТУРИОН», 27 ДЕКАБРЯ, 13.00. АВАНС НА УСЛОВ-
ЛЕННОМ МЕСТЕ.**

Я подняла глаза на недобро ухмыляющегося Клейменова, которому явно было не по себе при виде того, как пристально я изучаю этот замечательный документ, и спросила:

– Я так понимаю, что Момент, которого надлежит выдать струйкой, – это вы?

Виктор Сергеевич картинно поклонился.

– Момент – это, конечно, не промежуток времени, а клей «Момент», – продолжала я рассуждения вслух. – Клей «Мо...» Клейменов. Понятно. Производная от фамилии.

– Вы на редкость догадливы, – усмехнулся вице-губернатор.

– Работа обязывает. А вот ваши заказчики на редкость образно выражаются. Это надо же такое завернуть: «...Момент выдавить стружкой».

– Уголовная романтика, – сказал Клейменов. – У этих милых ребят особое отношение к образности. Например, в прошлом году у нас в городе убили авторитета, не поверите... Байрона. Прозвище у него было такое: Байрон.

– За что же ему такая честь? – улыбнулась я. – Или его любимую собаку звали Чайльд-Гарольд?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Клейменов. – Да, чуть не забыл... странно, что можно хотя бы на секунду запомнить о таком.

– О чем – о таком?

– Да вот, что все тому же Шеремету удалось скачать информацию о том, что из депозитария была удалена весьма значительная сумма денег.

– То есть как – удалена? – переспросила я, смущенная не свойственным финансовой сфере термином.

– Снята... истрачена... переведена. Что-то такое. В общем, была сумма, а теперь ее нет.

– И какова сумма?

– Триста тысяч долларов.

– Недурно! И вы полагаете, что эти деньги могли быть использованы на оплату услуг киллера?

– Если бы я думал иначе, я и не упоминал бы об этих трехстах тысячах. Откровенно говоря, я не силен в финансах, но,

мне кажется, что то, что в один и тот же день прошла информация об этом заказе по «электронке» и информация о такой значительной сумме, по всей видимости, не может быть случайностью.

– Понятно. Возможно, вы и правы. Теперь дело за малым, Виктор Сергеевич. Мне осталось спросить у вас, кто учредитель банка «Ахернар» и кто владеет фирмой «Центурион», близ которой вас назначено уничтожить. Кстати, вы действительно намеревались ехать туда в час дня послезавтра?

– Действительно, – мрачно ответил Клейменов. – Действительно, я собирался туда ехать. Я редко туда езжу, а если езжу, то заранее обговариваю срок.

– Значит, утечка информации могла произойти оттуда? – настороженно спросила я.

– Мне не хотелось бы так думать.

– Почему?

– Потому что директор этого охранного бюро моя жена.

– Вот как? – скорее утвердительно, чем вопросительно выдохнула я. – Женщина во главе охранной фирмы? Это интересно.

– И еще более интересно то, что она вполне справляется со своими обязанностями и подобрала себе прекрасный штат. Люди все проверенные, надежные, и заподозрить одного из них в том, что он слил информацию о посещении мною «Центуриона», – значит кровно обидеть Милу.

– Милу?

– Мою жену, Людмилу Александровну Савину. Савина – это она по первому мужу, – пояснил Клейменов. – В принципе, она одна знала о том, что я собираюсь провести ее бюро, но так как мы говорили об этом дома во время небольшой вечеринки, то это мог слышать кто угодно. А присутствовали на этой вечеринке в основном люди с ее работы.

– Понятно, – сказала я. – А кто учредитель банка «Ахернар»?

Клейменов помрачнел:

– А учредитель этого банка – не кто иной, как господин Бурмистров. Никита Никитич Бурмистров, кандидат в губернаторы собственной персоной.

– Вот это уже теплее, – сказала я, машинально складывая лист с распечаткой e-mail сначала вдвое, потом вчетверо. – Судя по тому, что я слышала об этом законопослушном гражданине, он может решиться на все, что угодно. В том числе на политическую «заказуху». Только непонятно, зачем ему убирать именно вас, а не, скажем, Сухорукова или, уж тем более, самого реального его нынешнего конкурента, генерала Зубарева?

– А вот это то, зачем вас, собственно, и откомандировали сюда, – сказал Клейменов. – Так что работайте, Юлия Сергеевна. Любая информация, находящаяся в моем распоряжении, к вашим услугам.

– Прежде всего я хотела бы знать, что вы намерены делать дальше, – проговорила я.

– Вы имеете в виду, отменю ли я свою поездку в «Центурион»?

– Да.

– Я собираюсь туда поехать. Ведь это единственный способ выловить киллера, а через него выйти и на заказчика.

– Пока единственный, – поправила я. – И вы пойдете на такой риск, Виктор Сергеевич?

– А почему бы и нет? Тем более если учесть, что разрабатываемую операцию будете координировать и вы, Юлия Сергеевна.

– А не проще ли посадить в машину двойника? – хладнокровно посоветовала я.

Сытое лицо Клейменова отразило праведное негодование:

– И подставить его под пули? Ну что вы! Тем более... – он понизил голос, – тем более что я не исключаю: среди моих охранников может быть осведомитель моих недоброжелателей. И тогда он сообщит, что меня в машине нет, и киллеры уплывут, как рыбки сквозь дырявую сеть. Я доверяю своим людям, но только в той степени, в которой вообще можно доверять кому-либо в наше время и в нашей стране.

– То есть вы не исключаете, что кому-то из них предложили деньги?

– Деньги? Нет. За деньги они не продадутся, – покачал головой вице-губернатор. – А вот... за большие деньги... я бы даже сказал – за очень большие деньги – почему бы и нет, а?

– Опасная риторика, – сказала я.

Клейменов не обратил внимания на мое скептическое замечание. Он уселся напротив меня (между тем как на протяжении всего разговора он или ходил по комнате, или стоял возле своего рабочего стола, постукивая по нему полусогнутым пальцем, словно заземляя пронизывающее его, как электрический ток, нервное напряжение) и произнес:

– И еще вот что, Юлия Сергеевна. Я хотел бы, чтобы вы до начала операции не запускали никаких разыскных мероприятий.

– Боитесь спугнуть?

– Боюсь. И не только спугнуть. Просто – боюсь.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде – спокойном, неподвижном и непроницаемом – я увидела тем не менее тягучий, липкий, словно свежесплетенная паутина, страх...

Глава 3

ЖЕНА И ВРАЧ

Оказалось, что мне был забронирован номер в лучшей городской гостинице. Разумеется, сделано это было за счет областной администрации, представителя которой я должна была спасти от пока еще гипотетически прорисовывающейся опасности.

Утро следующего дня выдалось восхитительным. Редко встречаются такие солнечные, ясные дни, когда в неподвижном морозном воздухе мерно опускаются на землю видимые до мельчайших подробностей крупные снежинки.

Из гостиницы я прямым ходом направилась в частное охранное бюро «Центурион», хотя меня отчаянно тянуло наведаться и в банк «Ахернар», и особенно в маленькую компьютерную фирму, которой руководил господин Шеремет, так хитро подпускающий во внутренние системы банков разнокалиберные «трояны».

Впрочем, касательно последнего меня настоятельно просил Клейменов:

– Не надо до поры до времени беспокоить его, Юлия Сергеевна. Мало ли что... может, его уже заподозрили в чем-то, ведь он ведет такую опасную игру...

Объяснения Клейменова были неубедительны, но тем не

мене я не стала посещать компьютерщика: и так понятно, что у того нелады и с законом, и с беззаконием. По всей видимости, Шеремет имел на владельца банка «Ахернар» зуб, иначе не стал бы подкладывать Бурмистрову такую свинью.

Сами разберутся. В конце концов, допросить Шеремета никогда не поздно, и сделать это может любой мент или работник прокуратуры.

...Никогда не поздно?

До «Центуриона» я добралась быстро. Путь на моем «Ягуаре» от гостиницы до охранного агентства занял не более десяти минут.

Прежде чем направиться в «Центурион», я тщательно осмотрела двор, в котором, по всей видимости, и планировалось покушение. Двор был невелик и представлял собой четырехугольник размерами примерно сорок на пятьдесят-шестьдесят метров, двумя сторонами которого являлся пятиэтажный дом, выстроенный буквой «Г». В одном крыле дома была арка, через которую и осуществлялся въезд на территорию двора, в другом – подъезд, судя по всему необитаемый: всех жильцов выселили, благо дом предназначался под снос.

Третьей стороной двора являлся длинный, барачного типа, одноэтажный корпус, оборудованный под складские помещения. С четвертой же стороны располагался офис частного охранного бюро «Центурион».

...Да, Клейменов был прав – лучшее место для покуше-

ния и представить себе сложно: ограниченное пространство в каменных тисках, с которого никуда не денешься, если перекрыть узкую арку. Убивай – не хочу!

Отметив для себя ряд примечательных деталей, я направилась к массивной железной двери, оборудованной камерой внешнего наблюдения.

– Добрый день. Что вам угодно? – раздался через переговорное устройство вежливый мужской голос.

– Я к Людмиле Александровне. Мы договаривались о встрече.

– Назовите вашу фамилию.

– Максимова, – отозвалась я и, подумав, добавила: – Юрист из Тарасова.

– Одну минуту.

Охранник оказался на редкость пунктуальным: ровно через минуту дверь щелкнула, разблокировавшись, и я потянула на себя ручку.

– Проходите, прошу вас.

* * *

Кабинет Людмилы Александровны Савиной был куда более просторным, чем рабочий кабинет ее мужа, вице-губернатора Клейменова. Да и обставлен он был с большей роскошью, а на рабочем столе красовался ноутбук за четыре с половиной тысячи долларов.

По всей видимости, охранная контора «Центурион» не бедствовала.

Людмила Александровна оказалась милостивой дамой средних лет, элегантно одетой и слишком хрупкой для руководителя охранного бюро.

В обществе директорши «Центуриона» я застала молодого – лет на десять или пятнадцать моложе Савиной! – и весьма импозантного темноволосого, смуглолицего мужчину в светлом костюме, аккуратно причесанного и с пронизывающим взглядом голубых, чуть раскосых глаз. Мне он напомнил почему-то Пирса Броснана, который играл последнего Джеймса Бонда: такой же холеный, несколько слащавый красавчик. По всей видимости, молодой человек был чересчур заиклен на своей внешности.

Бывают такие Нарциссы.

Знал бы Виктор Сергеич, с кем тут кукует его дражайшая супруга!

– Добрый день, Юлия Сергеевна, – сказала Людмила Александровна. – Муж звонил и говорил, что вы придете ко мне. Познакомьтесь... – Она повернулась к Пирсу Броснану провинциального российского разлива, который буравил меня довольно-таки откровенным взглядом, и добавила: – Это Глеб Константинович, личный врач нашей семьи. Мой и Виктора Сергеевича. Вы можете смело говорить при нем. Я полностью ему доверяю.

– Очень приятно познакомиться, – сдержанно отозвалась

я. – Людмила Александровна, я хотела бы спросить у вас: кто, по вашему мнению, может знать о том, что завтра в час дня Виктор Сергеевич заедет к вам в «Центурион»? Помимо вас и него, разумеется.

Людмила Александровна провела рукой по аккуратно уложенным волосам и после небольшой паузы ответила:

– Кто? Ну, например, присутствующий здесь Глеб Константинович. От него у нас нет секретов.

– Еще кто?

– Мой заместитель, Кузьмин. Вы, конечно, имеете в виду, кто мог организовать утечку информации, по которой сделали наводку киллерам?

Я аж вздрогнула, когда Савина спокойным, размеренным, холодноватым голосом произнесла все это. Да, у этой дамочки железные нервы. Впрочем, как же иначе: все-таки она работает директором охранной фирмы, то есть конторы, завязанной на серьезном и, быть может, полукриминальном бизнесе.

– Да, именно это я и имела в виду.

По губам Людмилы Александровны скользнула легкая саркастическая усмешка, откровенно не понравившаяся мне. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но ее опередил Глеб Константинович:

– Юлия Сергеевна, я думаю, что если вы склонны подозревать всех, кто мог знать о завтрашнем визите Виктора Сергеевича сюда, то вам лучше всего начать с меня. Я первый,

кто узнал об этом. Дело в том, что в последнее время Виктор Сергеевич очень нервничал... я, как его личный врач, прекрасно это знаю. Стрессовые ситуации следовали буквально одна за другой: это неприятное происшествие с губернатором Сухоруковым, Владимиром Александровичем, потом следующие одно за другим покушения на Виктора Сергеевича – и вот теперь этот заказ по электронной почте, из которого явствует, что будет и третье покушение. При таких обстоятельствах и самый здоровый и спокойный человек, как вот, например, Виктор Сергеевич, будет глотать успокоительное и антидепрессанты килограммами.

У доктора был приятный, бархатный баритон, выразительный и к тому же расставляющий акценты с проникновенностью и эффектностью хорошего актера. И почему-то голос, как мне показалось, находился в значительном диссонансе с внешностью Глеба Константиновича... какой-то излишне легкомысленной, что ли. Когда у безмозглого красавчика оказывается голос мудрого и пожившего человека – это странно, не так ли?

– Я никого и ни в чем не подозреваю, – сказала я. – В том числе и вас, Глеб Константинович. Подозревать человека, с которым только что познакомилась, и подозревать только на том основании, что подозревать кого-то нужно, – просто глупо.

Глеб Константинович засмеялся, а Савина сказала с подчеркнутой доброжелательностью:

– Извините, если что-то не так. Ведь у вас в голове может вырисоваться соблазнительно ясная схема преступления: коварная жена и ее молодой любовник решают убрать мужа и вынашивают зловещие планы. Ведь примерно так можно подумать, глядя на нас с Глебом Константиновичем, не так ли?

– Почему бы и нет? – сказала я. – Я бы так и подумала, имей я хобби стряпать разнокалиберные версии одна другой замысловатее. Но в данный момент некогда конструировать теории. Ваш муж, Людмила Александровна, решился на весьма опасный трюк: он хочет лично присутствовать в машине, которую завтра могут расстрелять прямо под окнами вашего офиса. Конечно, он наденет бронежилет и предпримет массу других предосторожностей, но ведь эта ловля на живца может привести к трагедии. Разумнее было бы использовать двойника, который за определенную сумму с радостью подвергнется смертельному риску... как, кстати, и ваша покорная слуга – в случае, если я буду координировать операцию «Контркиллер».

– А, весь этот спектакль уже и окрестить успели? – мрачно произнесла Савина, делая смысловое ударение на слове «окрестить». – Понятно. А то, что Витя хочет присутствовать при этом, меня не удивляет: он всегда был склонен к авантюрным решениям. Я вчера говорила с ним по этому поводу: он наотрез отказывается от подмены его другим человеком. Говорит, что в таком случае может сорваться вся операция, и он никогда не узнает имени заказчика и инициатора

всей этой кровавой карусели.

«Кровавой карусели...» По всей видимости, Людмила Александровна, вслед за мужем, была склонна прибегать к пышным и красочным выражениям.

– В машине можно установить бронестекло, – сказал Глеб Константинович.

Я покачала головой:

– А где гарантия, что киллер не будет стрелять через крышу? Классный киллер может таким образом миновать любое бронированное стекло.

– Я слыхала об этом, – кивнула Савина. – Вы правы.

– Все дело в том, сумеем ли мы засечь киллера – или киллеров – до того, как машина Виктора Сергеевича въедет в убойную зону.

Людмила Александровна посмотрела на меня, а потом медленно выговорила:

– Вы видели двор и примыкающие к нему здания?

– Немного. Но вполне достаточно, чтобы составить о них довольно устойчивое представление. Удобное место для отправления в преисподнюю.

– Вы будете работать с ФСБ? – вкрадчиво спросила жена Клейменова.

– Разумеется.

– А вы еще не познакомились с генералом Зубаревым?

– Не довелось.

– Ничего, я думаю, вы быстро наверстаете это упущение, –

произнесла она. – Все-таки ваш коллега, хотя и в более высоком звании.

Что-то определенно не понравилось мне в тех интонациях, с которыми были сказаны эти слова. По всей видимости, Людмила Александровна явно недолго любила главу местной госбезопасности.

О чем я и не замедлила спросить у нее напрямую.

Ответ был столь же исчерпывающ и прямолинеен, как и вопрос:

– Да, не скрою, с генералом Зубаревым у меня, мягко говоря, натянутые отношения: считает ниже своего достоинства общаться с какими-то частными охранниками. Гэбэшный гонор, куда ж тут деваться. И, надо сказать, – добавила она, чуть понизив голос, – если Виктор склонен считать, что охоту на него открыл кто-то из кандидатов в губернаторы, то между Зубаревым и Бурмистровым я более склоняюсь к Зубареву. Госбезопасность в плане кровожадности всегда давала сто очков вперед даже самой беспредельной оргпреступности. Не так ли, Юлия Сергеевна?

– С волками жить – по-волчьи выть, – ответила я одной из любимых поговорок Грома. – То есть вы подозреваете в организации покушений на вашего мужа не Бурмистрова, как считает сам Виктор Сергеевич, а генерала Зубарева? У вас есть основания для этого? И вообще, Людмила Александровна, – после паузы добавила я, видя, что она продолжает хранить довольно-таки недоброжелательное угрюмое молча-

ние, – мне непонятны мотивы, по которым кандидаты в губернаторы могли бы быть заинтересованы в смерти вашего мужа. Тем более что он сам уже заявил о своем скором отходе от дел в связи с ситуацией вокруг Владимира Александровича Сухорукова, пока еще действующего губернатора.

– Мотивы? – проговорила она. – А мотивов сколько угодно. ФСБ и администрация издавна копают друг на друга компромат. Зубарев преуспел в этом больше... Именно под его давлением областная избирательная комиссия отстранила от участия в выборах Владимира Александровича. Если бы этого не сделали, то Сухоруков наверняка был бы избран на новый срок и Виктор тоже сохранил бы свой вице-губернаторский пост.

– Я так понимаю, что у вашего мужа есть компромат на Зубарева, и тот боится, что эти материалы попадут в СМИ?

– Да.

– Почему же, в таком случае, Виктор Сергеевич не сказал мне этого?

– Я не могу отвечать за своего мужа. Спросите у него самого.

– Не премину это сделать.

– От себя же замечу, – уже не скрывая ядовитых интонаций, добавила Савина, – что мой муж никогда не доверял спецслужбам, в особенности местным, из нашей области, а к вашей помощи прибег только потому, что хорошо знает какого-то вашего начальника. Он не называл его фамилии, так

как все это очень секретно, но я догадываюсь, кто это такой.

Вне всякого сомнения, госпожа Савина имела в виду Андрея Леонидовича Сурова. Нужно будет с ним созвониться, отметила для себя я.

Разговор тем временем окончательно расклеился. И склеить его, как любил говаривать один мой знакомый бандит (кстати, уже покойный), – склеить его было куда сложнее, чем одному из собеседников склеить лапы. То бишь отправиться к праотцам.

Людмила Александровна подняла на меня строгие глаза и произнесла:

– Я все-таки верю, что вы не пойдете на поводу у вашего коллеги Зубарева и честно выполните свою работу.

– У вас есть сомнения? – холодно произнесла я и встала. – До свидания, Людмила Александровна. Разговор с вами очень помог мне.

И – почти против моей воли – в заключительной фразе прозвучала нотка тонкой, ядовитой издевки...

* * *

Ну и семейка, думала я, выходя из частного охранного бюро «Центурион» и спиной чувствуя, тяжелый, острый взгляд. Веселая семейка. Не удивлюсь, если в финале окажется, что это именно госпожа Савина и ее смазливый личный доктор раскрутили маховик всего этого, в сущности, банального и

привычного мне по опыту предыдущей работы дела.

...Но банальности этой суждено было улетучиться. Начисто. И точкой отсчета для дьявольского танца сорвавшихся с цепи обстоятельств стал голос за моей спиной:

– Юлия Сергеевна! Подождите, Юлия Сергеевна.

Я обернулась и увидела, что за мной поспешно – аж спотыкаясь! – идет доктор Глеб Константиныч. Прядь аккуратно уложенных волос соскользнула на высокий лоб, накинутое на плечи черное полупальто сбилось набок.

– Да, я слушаю вас, Глеб Константиныч, – ровным голосом произнесла я и улыбнулась, прокручивая в мозгу версии: какого черта ему от меня надо? Впрочем, повод оказался самым что ни на есть естественным и оттого почему-то смехотворным.

– Простите, что беспокою вас, – проговорил он, – но не могли бы вы немного подвезти меня? Вы все равно, я думаю, едете в сторону центра, да?

– Да.

– Ну вот, – оптимистически закончил он и глупо улыбнулся.

Я махнула рукой:

– Садитесь. Подвезу.

– Хорошая у вас машина, – сказал он. – Я и не знал, что сотрудники госбезопасности получают такую зарплату, чтобы кататься на подобных машинах.

В голосе его прозвучала насмешка, которая разозлила бы

меня, скажи это любой другой человек (в особенности – высокочтимая Людмила Александровна Савина); но в исполнении Глеба Константиныча это показалось... мило. Я не стала смотреть на него взглядом Медузы-Горгоны, а просто невинно улыбнулась и отозвалась:

– А я и не на зарплату ее купила. А на то, что при социализме формулировали как нетрудовые доходы. Садитесь, Глеб Константиныч. Ваши ботинки явно километра не прошли. А пальто стоит не меньше пятисот долларов. Это как раз и составляет зарплату врача, я понимаю.

Он поднял вверх руки и серьезно сказал:

– Сдаюсь.

* * *

Все получилось так же неожиданно и глупо, как всякий раз получается, когда даже не допускаешь возможности хотя бы легкого флирта, а потом открываешь глаза и видишь себя в постели с мужчиной, имя которого вспоминаешь лишь с большим напряжением всего мозгового арсенала.

Я ведь, по сути, очень легкомысленный человек. И тем более легкомысленный, что часто произвожу серьезное, основательное и неприступное впечатление. Многие мужчины, даже не зная того, что я агент спецслужб, подсознательно начинали питать ко мне повышенный пиетет и возмутительную, приторную вежливость и осторожность в выборе каж-

дого сказанного в мой адрес слова. Как будто я ущербная ка-
кая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.